

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 28-го февраля 1910 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9926.

ОДНОЙ МЕНЬШЕ.

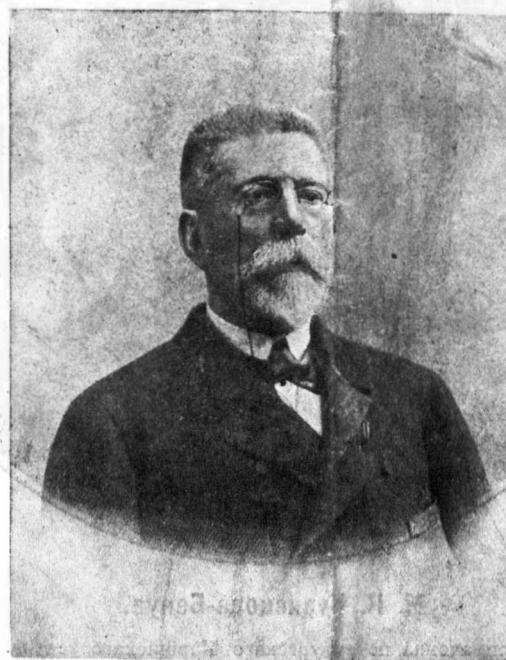
(Съ немецкаго).

Итакъ, вы все таки отвѣтили мнѣ, хотя, говоря откровенно, я этого не ожидала. Но что можетъ сказать мнѣ ваше письмо теперь, что можегъ дать ваше сожалѣніе и строки, полныя раскаянія?... Этого я совсѣмъ не хотѣла. „Я не могу разстаться съ тобой...“, пишете вы, неужели я должна вѣрить, что вамъ чего то будетъ недоставать, когда я не буду съ вами? Нѣтъ, я этому мало вѣрю. Но, несмотря на это, пишу вамъ. Я не хочу, чтобы мы разстались съ ненавистью другъ къ другу. Мы не должны допустить злобы между собой. Неужели надо непремѣнно сдѣлаться врагами, какъ это часто бываетъ, когда уходитъ любовь? Я по крайней мѣрѣ при спокойномъ отношеніи къ нашему прошлому, къ недавно пережитому времени, несмотря на все, чувствую безконечную благодарность къ вамъ, за все то прекрасное, что я пережила. Особенно много, правда, не было, но наша совмѣстная жизнь была достаточно продолжительна, чтобы я успѣла научиться создавать и разрушать свои иллюзіи. Но то, что вы теперь требуете отъ меня—я не могу исполнить,—это выше моихъ силъ.

Поймете ли вы меня вообще?

Я попробую открыть вамъ свою душу: быть можетъ, хоть тогда вы почувствуете, что эти мои строки должны быть послѣдними.

Вы оставили меня здѣсь, куда сами привезли, въ этомъ маленькому рыбакомъ поселкѣ, одну, въ странѣ, языкъ которой я почти не понимаю. Такое положеніе опасно для женщины, которая любить, такъ какъ она тогда принуждена жить только воспоминаніями. То же, конечно, было и со мной. Я жила вами. Каждое утро просыпалась я въ той комнатѣ, которая такъ часто видала насы счастливыми. Изъ окна разстился видъ на голубое море, на расположенный на островѣ зеленый лѣсъ; все было то же, чѣмъ мы съ вами такъ часто любовались, сидя на балконѣ; тотъ же корабль, та же лоцманская лодка были у берега, по которому мы ежедневно совершали наши прогулки, а вечеромъ тамъ, вдали, зажигался тотъ же путеводный сгонекъ; только теперь онъ казался мнѣ такимъ одинокимъ въ окружающей его тѣмѣ. Я вспоминала, какъ мы ходили купаться, и вы несли мои вещи, а на обратномъ пути мы, свѣжие и оживленные, смыкались надъ тѣмъ, что я не могла найти дороги безъ васъ въ этомъ маленькому мѣстечку. А потомъ, потомъ все это ушло. Постепенно мною овладѣла меланхолія. Я ловила себя на

Б. Г. ФИЛОНОВЪ.

Харьковскій общественный дѣятель, надняхъ скончавшійся.

В. О. КОМИССАРЖЕВСКАЯ.

у себя дома.

томъ, что послѣ купанья долго сидѣла и забывала одѣваться. Совершенно безъ всякихъ мыслей и безъ устали смотрѣла я на волнующееся море: волны катились одна за другой, безпрерывно разбиваясь о скалистый берегъ, съ такимъ однообразнымъ жалующимся мотивомъ, точно онѣ понимали драму моей души и оплакивали меня. И въ звукахъ грохочущихъ волнъ слышалась мнѣ неясный призывъ, словно говорящій, что только въ ихъ глубинѣ найду я покой и спасеніе отъ моей одинокой тоски. А гребни волнъ казались мнѣ бѣлыми руками русалокъ,

которые манили и звали меня въ ихъ морскую пучину.

Смерть не была для меня страшна здѣсь, гдѣ я похоронила свою любовь. Каждый шагъ былъ полонъ воспоминаніями о нашей любви, каждый камешекъ имѣлъ свое значеніе для меня. А когда я бывало шла по полю, мнѣ казалось, что цветы съ удивленіемъ смотрѣтъ на меня и спрашиваютъ: Гдѣ онъ? Почему не собираетъ онъ насъ, чтобы принести тебѣ, своей любимой? почему ты такъ одиноко бродишь здѣсь? неужели это возможно?...

Очень серьезныя дѣла призывали васъ въ городъ, и васъ выписали ваши знакомые. Да! Это, конечно, достаточно важная причина, чтобы оставить нашу идиллию и разстаться съ женщиной, которая васъ любила больше всего на свѣтѣ. Не правда ли? Вы сами такъ говорили мнѣ. Но это основаніе меня не убѣдило, инстинктивно я чувствовала въ этомъ неправду. Съ такимъ чувствомъ я жила и ждала васъ. Разлука наша должна была продолжиться не болѣе 14 дней. Теперь же прошло 4 недѣли.

Въ продолженіе этого времени я жила и утѣшалась воспоминаніями. Я радовалась, когда встрѣчала идиота Мартина, хотя ни слова не понимала изъ его заканія, но это напоминало мнѣ васъ, такъ какъ вы любили острить надъ его слабоуміемъ, и только поэтому я встрѣчала его съ лаской, я разспрашивала его о погодѣ, только потому, что такъ дѣлали вы. Сидя въ сумеркахъ у себя въ комнатѣ, я прислушивалась, не зоветъ ли меня дорогой мнѣ голосъ, не слышно ли поспѣшныхъ шаговъ на ступенькахъ, ведущихъ въ мою комнату; но ничего не нарушало тишины. Васъ не было здѣсь, вы были тамъ, далеко, въ большомъ шумномъ городѣ.

Могли ли ваши письма служить мнѣ утѣшеніемъ? Правда, сначала я получила письмо, полное тоски о прошломъ и воспоминаній. Потомъ же все получались открытки, конечно, съ видами, и чѣмъ больше и красивѣе были виды, тѣмъ бѣднѣе были ваши чувства и мысли. Вы писали мнѣ, что каждое утро выходите на прогулку съ собаками, что у васъ дожди... А я вамъ писала о моей жизни здѣсь, о переживаніяхъ; но это васъ не интересовало, и мое настроеніе не находило отклика въ вашей душѣ. Однажды я даже написала стихами. И что же вы отвѣтили мнѣ?... „Очень мило, радуюсь, что твой поэтическій даръ...“ Да, это называется отвѣтъ безконечно истомленному, страдающему сердцу. А потомъ въ теченіе 2 недѣль я получила 2 открытки, или вѣрнѣе вида, т. к. одна имѣла 10, а другая 21 слово, и

такъ небрежно написанныхъ, что я еле разобрала ихъ! Боже, какъ жалко должно быть чувство, выражющееся такимъ образомъ. Даже товарищамъ пишутъ больше и иначе! И вы, вы осмѣливаетесь говорить о своей любви! Или такой образъ дѣйствій вы считаете своей обязанностью по отношенію ко мнѣ. Но мы, вѣдь, не обвѣнчаны, нась, вѣдь, не связываютъ никакія узы! Въ жаждѣ свободы и въ свободной любви должна быть возвышенная красота и естественность природы. И я могу по совѣсти сказать, что во мнѣ это было, и вѣдь я не могу понять. Теперь яркой характеристикой правдивости вашего чувства ко мнѣ встаетъ тѣтъ маленький, какъ я тогда думала, ничтожный фактъ изъ нашей жизни. Помните ли вы, какъ въ началѣ нашей встрѣчи я уѣхала въ сбѣднее мѣстечко, и какъ вы мнѣ писали ежедневно, что считаете оставшиеся часы до моего прѣѣзда, и я возвратилась. Я вамъ сообщила часть прихода моего поѣзда, но вы не встрѣтили меня. Вспоминаю, какъ я рѣшила пойти пѣшкомъ, предполагая, что вы опоздали къ поѣзду, и мы встрѣтились по дорогѣ. Но это было напрасно. Усталая дошла я до вѣщего дома, но вѣсъ и тамъ не оказалось. Вы были на берегу моря и спали! Только послѣ обѣда вспомнили вы узнать о моемъ прѣѣздѣ. Припоминается мнѣ теперь то горькое чувство какъ будто разочарованія въ вѣсъ, которое овладѣло мною. Увѣряю вѣсъ, что даже "крестьянскій мальчикъ" не поступилъ бы такъ, какъ нашелъ возможнымъ поступить "любящій мужчина", а можетъ быть на камъ у проѣзжей дороги поджидалъ бы свою возлюбленную. Тогда вы удвоенной нѣжностью разсѣяли мою грусть, и я все забыла. Скоро наступиль послѣдній день... и мнѣ казалось, послѣ той ночи, проведенной въ слезахъ, что ваше сердце принадлежитъ мнѣ. Какъ счастлива была я, когда вы отложили свой отѣездъ на три дня. Сколько радости и безконечного наслажденія пережила я въ тѣ дни, слѣпая, ничего не подозрѣвая. А когда я вѣсъ провожала на пристань, мы смылись и не "прощай", а "до свиданія" сказали другъ другу. До скораго, радостнаго свиданія.

Но какъ только вы скрылись изъ моихъ глазъ, я почувствовала себя покинутой. Страшное сомнѣніе закраилось мнѣ въ душу, и мрачное предчувствіе наполнило все мое существо. Оно помогло мнѣ раскрыть ваше сердце, и постепенно я поняла, что жила какой-то мечтой. Я поняла, что вы не могли любить меня такъ, какъ я это себѣ представляла, потому что для нѣжнаго и возвышенного чувства у вѣсъ слишкомъ мало глубины души. Уже одно то, что силу чувства вы смышили съ сентиментализмомъ, доказываетъ это, а также ваши слова, что вы энергично подавляете въ себѣ всякия нѣжности. Но я боялась, что вы очень далеко зашли въ этомъ направлении и такъ очерствѣли, что не сможете ужъ никогда быть ни сентимен-

М. Кузнецова-Беня.

Примадонна петербургскаго Маріинскаго театра.

Марія Гай.

Извѣстная французская пѣвица.

тальнымъ, ни даже любить. И дальше... Почему вы никогда не называли меня по имени? Почему обращались ко мнѣ со всѣми общепринятыми нѣжными именами, а въ то же время говорили, что вѣсъ нравится, когда я произношу ваше имя и что никто такъ нѣжно не произносить имени Рудольфъ, какъ я. Въ шутку вы говорили, что мое имя вѣсъ не нравится, и я съ вами такъ наивно грустила тогда... Но я сейчасъ вѣсъ скажу причину этого. Потому что вы совсѣмъ не нуждаетесь въ индивидуализации личности, которую любите! И хотите знать, чтобы сказали на это какою-нибудь циникъ? "Для него это очень удобно, по крайней мѣрѣ, такъ онъ никогда не сможетъ ошибиться и называть другимъ им-

немъ ту, которую онъ въ данный моментъ любить"...

Фил...

Насколько я васъ знаю, вы сейчасъ скажете: "но чего же хотеть, наконецъ, эта глупая квочка отъ меня?"... Да, я не забыла, какъ однажды вы такъ говорили объ одной дамѣ. "Развѣ я не была съ ней такъ нѣженъ всегда? не веселились ли мы такъ очаровательно всю зиму, не жили ли мы такъ счастливо свободной любовью, которая не знаетъ никакихъ цѣпей, никакихъ формальностей, не были ли мы похожи на героя волшебной сказки въ нашей маленькой идиллии, на берегу озера, и почему бы намъ опять не возобновить все это? чего ради пишетъ она мнѣ всю эту чепуху?"... Не правда ли, вы такъ теперь думаете? Но я хочу сказать вамъ, что есть то болѣе высокое, чѣмъ всѣ эти нѣжности, которая только лишь въ первое время могутъ доказывать и быть проявленiemъ чувства, но исключительно онъ не создаютъ любви. Я хочу сказать вамъ коротко и ясно, чего хочеть отъ вѣсъ глупая квочка: она хочетъ только немногого любви, сердце, душу, хочетъ она найти въ вѣсъ. Это все. Но и это слишкомъ много для вѣсъ, потому что никто не можетъ дать больше того, чѣмъ онъ имѣть... Не оправдывайтесь, мнѣ кажется, что самъ себя вы не знаете лучше, чѣмъ я вѣсъ.

Сначала я страдала за вѣсъ, но теперь полное безконечнаго горя мое сердце уже неспособно на это. Я глубоко ошиблась въ вѣсъ. Правда, любовь ослѣпляетъ, и все было ужъ достаточно печально, но я узнала еще, что вы—лгунъ... это омерзительно, это безпощадно!

Я слышу, какъ вы возмущаетесь, какъ требуете доказательствъ, и поэтому я это дѣлаю.

Дочь нашей хозяйки тоже имѣть альбомъ для открытокъ; однажды я случайно перелистывала его и вдругъ—открытка съ видомъ вашего города. Меня заинтересовало, и я прочла ее. Женской рукой было написано: Наконецъ то, ты прїѣдешь! Не понимаю, что ты можешь тамъ дѣлать, въ томъ маленькому курятникъ; можно, право, подумать, что тебя удерживаетъ тамъ моя соперница, но, конечно, этого не можетъ быть, такъ какъ тогда между нами было все конченое..."

Открытка была прежде разорвана, но видъ на ней былъ такой пестрый, что дѣвочка склеила ее и помѣстила къ себѣ. Я вынула ее. Она была дѣйствительно изъ того города, где вы теперь живете, адресована вѣсъ, не здолго до вашего отѣезда... Не подумаете ли вы теперь оправдываться? Но все равно, если бы вѣсъ даже удалось доказать невиновность открытки,—это не повлияло бы на исходъ романа, и вы бы не измѣнились въ моихъ глазахъ... Открытка не такъ ужъ меня поразила,—она была лишь лишнимъ доказательствомъ того, что я давно чувствовала и что въ послѣднее время обратилось во мнѣ въувренность. Повторю, въ данномъ слу-

чачь она не была рѣшающей вопроса.

Итакъ, въ основѣ была все-таки другая, изъ-за которой вы ушли отъ меня. Неужели же это дѣствительно такъ?...

Скажите, не требовали ли вы отъ меня, чтобы всю свою жизнь я принадлежала только вамъ, чтобы я никого кромѣ васъ не любила... Чувствуете ли вы, понимаете ли хоть теперь, что вы этимъ говорили? Думаю, что это были пустыя слова, иначе вы бы ихъ не произнесли! Или вы думали, что я пойму свободную любовь какъ вы,—и еще съ кѣмъ-нибудь раздѣлю ее! Думаете ли вы, что за мимолетный поцѣлуй можно покорить всю душу человѣка, а разукрашенными открытками утолить жажду любви?—Вѣроятно, такъ,—иначе что могутъ означать такие поступки?... И вѣмъ, вамъ должна была я отдать всю свою жизнь... Быть можетъ, того же вы бы потребовали отъ другой; это была бы очень веселая пьеска, комедія, надѣ которой смыются въ театрѣ, но въ жизни плачутъ кровавыми слезами. Правда, иногда и въ жизни смыются, но это значитъ, что сердце не участвуетъ въ игрѣ, и во мнѣ это невозможно, такъ какъ моя любовь къ вѣмъ была не игрой, а въ ней была вся моя жизнь!.. Не забывайте, чтоуваженіе къ мужчинѣ, котораго любить женщина—есть фундаментъ ея чувства, а уваженіе къ вѣмъ я потеряла...

Теперь моя роль въ вашей жизни окончена, позвольте мнѣ проститься съ вами!

Быть можетъ (мнѣ такъ кажется), вы немного разстроитесь, почувствуете что-то вродѣ раскаянія... тогда не стыдитесь этого "сентиментального чувства", это будетъ доказательствомъ того, что ваше сердце, несмотря на всю его жестокость, еще не совсѣмъ очерствѣло. Но не пытайтесь вернуть меня.

Всѣ сны должны имѣть конецъ, а, вѣдь, это былъ только сонъ, дивный сонъ, который окончился лишь раннѣе, чѣмъ я этого ожидала...

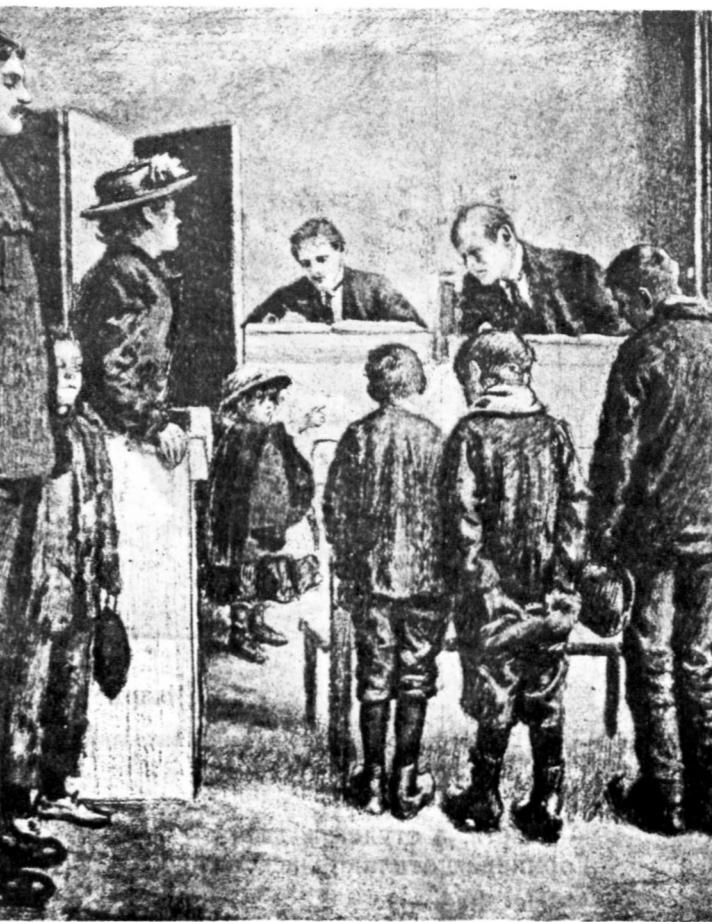
Теперь мнѣ понятно, почему въ тотъ послѣдній день, когда вы уѣзжали, золотистые лучи заходящаго солнца такъ безконечно долго и ярко горѣли. Они какъ будто символизировали заходъ моей любви, которая предъ своимъ смертью такъ ярко вспыхнула...

Теперь для меня наступила ночь.

Вы же не печальтесь! Для вѣсъ еще можетъ снова взойти солнце. Быть можетъ, совсѣмъ на другой сторонѣ и бытъ можетъ послѣ темной ночи, но все таки вы снова будете счастливы, и солнце послѣднихъ дней забудется вами...

Я же счастлива уже потому, что поняла вѣсъ. Теперь вы можете выгадать вашу обратную поѣзду и, повторю, не пытайтесь искать меня на пасекѣ. Я была для вѣсъ только "одной больше".

Не понять вѣмъ, счастливецъ, какъ глубоко это болѣно. Помириться съ

Судъ для дѣтей въ Лондонѣ.

этой мыслию я не могу, и для меня нѣтъ другого исхода...

Пусть будетъ "одной менѣше"...

Пустой случай.

Меблированные комнаты. Длинный коридоръ. Узкія, всегда запертыя двери. За каждой—своя жизнь. Другимъ неизвѣстная, ненужная. Жильцы рѣдко знакомятся между собою.

Ихъ не называютъ по фамиліямъ, а просто по номеру 1, 2, 3... Часто даже затрудняются отвѣтить почтальону здѣсь такою-то или такая-то...

По утрамъ относительно шумно. Звонки, юбочки, прислуга съ чайниками, женскими юбками, ботичками. Приходитъ прачка, газетчикъ, молочница.

№ 31—Шурочка, жена учителя гимназии, торопливо варитъ кофе. Слѣдить на прѣемъ къ доктору. А затѣмъ еще вѣдь водолечебницу. Это очень хорошенѣйшая, но пустынья и тщеславная женщина, прїѣхавшая съ юга. Ждетъ какою-то пустяшной операциіи на почвѣ бездѣтности. Вплоть до 5 часовъ ея нѣтъ дома.

№ 32—студентъ медикъ Лилѣевъ, до трехъ занимается и затѣмъ тоже уходить.

У него измученный, невыразимо печальный видъ.

Къ сумеркамъ въ меблированныхъ комнатахъ водворяется тишина и порядокъ. Дремлютъ малокровные, пыльные фикусы, дремлетъ мохнатая собачка. Бѣлѣютъ на подзеркальникѣ письма. Съ верхняго этажа доносятся звуки скрипки, но такие слабые, что сначала кажется, будто грезишь. Шурочка лежитъ на кушеткѣ, нѣжится и жуетъ конфеты. Лѣниво вспоминаетъ

домашнихъ, мужа, мать сестренку. Мечтаетъ о новыхъ платьяхъ. Иногда о любви того высокаго, ласковаго блондина, котораго она встрѣчается у докторши. Но это такъ... между прочимъ... робко и грязновато. Шурочка труслива.

Въ 9 часовъ зажигаютъ лампы. Снова звонки, голоса. Снова суетится горничная. Время чай.

Наstra распѣваетъ — "Ахъ, зачѣмъ эта ночь такъ была хороша".

Студентъ Лилѣевъ вернулся ходить изъ угла въ уголъ и раздражаетъ этимъ Шурочку.

Она пѣть кипяченое молоко, принимаетъ лекарство, упивается Вербицкой.

Иногда пишетъ короткія, скучныя письма мужу.

— "Я прихварываю... Слѣдѣ за Катрусѣ—пусть обратить вниманіе на французскій языкъ. Купила тебѣ въ подарокъ новые платки—теперь мѣчу". Все въ такомъ родѣ.

Послѣ десяти—входная дверь заперта. Огонь потушенъ. Тихо. Мохнатая собачка слоняется по коридору, потомъ свертывается въ уголокъ и засыпаетъ.

Въ № 32—у студента Лилѣева лампа горитъ далеко за полночь.

Плотный конвертъ съ незнакомымъ, бѣгущимъ криво почеркомъ. Признанье въ любви. Грустныя, душистыя строки, словно обвязанные морскимъ вѣтромъ, ароматомъ сирени, весенней тревогой. Такъ пишутъ лишь молодые.

... Зачѣмъ заглянула въ душу мятежными глазами?" Ахнула, потомъ залилась веселымъ, торжествующимъ смѣхомъ. Кто онъ? Какъ интересно...

... Почему эта ночь дала настроеніе, развѣ знаю? Зачѣмъ ты станешь читать эти строки, развѣ я знаю?

Горничная убирала комнату, за окномъ шелъ снѣгъ, Шурочка, напудренная и подведенная, собиралась къ портнихѣ, а на плотной бумагѣ бѣжаліи съ нѣжными упрекомъ слова.

— "Развѣ никогда не тосковала ты по звѣзднымъ дѣятамъ? Развѣ никогда не хотѣла уйти туда, откуда не возвращаются?"

Шурочка улыбалась удовлетворенная. Пончестовала, какъ сразу вросла въ собственныхъ глазахъ.

"Кажется мнѣ, будто ношу я въ своей душѣ хрупкую, драгоценную тайну, и нѣтъ человѣка счастливѣе меня".

Онъ писалъ, какъ настоящій литераторъ ей Богу.

Съ того дня письма приходили ежедневно. Жадала ихъ. Читала съ любопытствомъ, довольная. Это было такъ ново для нея. То, что порою они становились крикомъ, мольбою, стономъ—не замѣчала. Говорилось въ нихъ часто о чемъ то свѣтломъ, нѣжномъ, радостномъ—не понимала.

... Лишь въ созданной любви нѣтъ унылости вещей познанныхъ, лишь въ ней одной высшее наслажденіе и наибольшее удовлетвореніе.

Немного обидѣлась. Во всякомъ случаѣ преисполнялась все большаго и большаго уваженія къ своей персонѣ. Ее не тянуло домой. Радовалась, что лечение затягивалось. Познакомилась съ № 32—студентомъ Лилѣевымъ. Занимало блѣдное, молодое, смущенное лицо. Кокетничала и шутила.

А онъ отвѣчалъ однозначно.

III.

Какъ то вернулась поздно изъ театра. У подъѣзда ждалъ студентъ Лилѣевъ. Оказалось, вышелъ открыть входную дверь.

— Вы забыли ключъ, мнѣ сказала горничная.

Сильно продрогъ. Еле могъ выговаривать слова и въ глаза не смотрѣлъ.

Шурочка смутилась,

— Голубчикъ, что вы дѣлаете? Ждать на морозѣ до двухъ часовъ ночи, но это безуміе... безуміе.

Самой же было пріятно. На лѣстницѣ озарила внезапная мысль.

— Это вы мнѣ пишете?

Блѣдное лицо стало еще блѣднѣе.

— Да, я...

Шурочка насильно затащила его къ себѣ.

Конечно, было немножко досадно, что авторъ писемъ *только* студентъ, но....

Разспрашивала, какъ и съ чего это началось? Уговаривала забыть ее, польщенная черезъ край, умиленная собственнымъ великолюбіемъ, изрѣдка кладя ему руки на плечи. Разсказала ему эта ничтожная, пошлынькая женщина свою семейную жизнь, свои мнимыя переживанія, наивную и наглую ерунду.

А онъ слушалъ.

Потомъ сказалъ совсѣмъ тихо:

— Я не переживу этого.

Она не поняла.

— Чего?

Онъ твердилъ упрямо:

— Не переживу.

Это ее испугало. И вмѣстѣ глубоко, пугливо шевельнулась радость. Умереть... изъ-за нея? Неужели?

Ея отвѣты звучали неискренно, почти дразняще.

— Умру, —тихо повторилъ онъ,—не переживу... Чего—не сказалъ,

Разстались

Подумала, что если бы онъ, дѣйствительно, умеръ, это была бы красавая страница ея жизни.

IV.

Шурочка аккуратно посѣщала лечебницу, доктора, читала Вербицкую и гуляла до 5 часовъ вечера. Къ студенту привыкла. Все принимала, какъ должно и поэтому скучное. Ни о чёмъ не разспрашивала,—неинтересно. Если и говорила, то только о себѣ. Потеряла вѣру въ его слова о смерти. А студентъ присматривался, понималъ и молчалъ. Чувствовалъ еще молодо, тревожно и ужасался.

Было странно для Шурочки увидѣть однажды № 32 запертymъ извнѣ на большой черный замокъ.

„Икаръ“.

Картина Н. В. Харитонова, на конкурсной выставкѣ въ академіи художествъ въ С.-Петербургѣ.

— Настя, а студентъ гдѣ?

Горничная откликнулась вяло.

— Не знаю.

Шурочка разсердила. Какъ это она не знаетъ, еще что за выдумки. Допытывалась.

Узнала, наконецъ. Отравился студентъ. Умеръ. Полиція была только что.

Горничная плакала. Шурочка бросилась къ хозяйкѣ. Дѣйствительно, испугалась.

— Я уѣзжаю... телеграмма отъ мужа... я должна уѣхать.

Укладывала вещи, не снимая наряднаго, визитнаго платья. Плакала мелкими, скучными слезами. Было жаль себя. Какъ ея нервы не щадятъ окружающіе!..

Уже совсѣмъ готовая, въ шляпѣ, перчаткахъ, передъ упакованными вещами, спросила настойчиво, съ дѣскимъ страхомъ.

— А онъ гдѣ?

— Въ анатомическомъ.

V.

Шурочка разсѣянно спрашиваетъ урокъ у сестры.

— Je dors, tu dors, il dort,—спрягаетъ Катя злымъ, капризнымъ голосомъ.

— Nous dormons, vous dormez,—равнодушно подсказываетъ Шурочка.

На полу разноцвѣтные зайчики. Кружевныя занавѣски, канарейка. Поль блеститъ. Въ зеркалѣ отражается стоячая лампа, альбомы, неаполитанскій пейзажъ. Мѣщански съто, мѣщански безвкусно. Обыденно.

Въ сосѣдней комнатѣ мать бранитъ прислугу.

Шурочка задумывается. Сегодня ровно мѣсяцъ, какъ умеръ студентъ Лилѣевъ.

Ей бы хотѣлось снова вернуть прошлое... получать письма, видѣть блѣдное, измученное лицо, упивающее тщеславиемъ, сознаніемъ своей силы, кра-

соты и даже... даже вторично услышать о его смерти.

Почему онъ умеръ—она не догадалась.

Анна Марь.

СМѢСЬ.

Гигієническій поцѣлуй.

Фанатики гигієны утверждаютъ, какъ извѣстно, что микробы многихъ серьезныхъ болѣзней переносятся отъ одного лица къ другому посредствомъ поцѣлуя. Чтобы спасти человѣчество, предлагается новый поцѣлуй, безвредный и безопасный. Этотъ гигієническій поцѣлуй достигается, по словамъ одного англійскаго журнала, маленькимъ приборомъ,—выдумкой какого-то остроумнаго изобрѣтателя. Приборъ состоитъ изъ квадратной или круглой рамки (металлической или изъ слоновой кости) съ ручкой. Рамка, обтянутая тончайшимъ шелковымъ газомъ, въ общемъ напоминаетъ ракету (лопатку для бросанія мяча въ лаунтеннисѣ). Эта нѣжная матерія, конечно, пропитана какимъ-нибудь дезинфицирующимъ средствомъ. Поцѣлуй, переданный черезъ такую перегородку, не потерявъ ничего въ своей прелести, обезпечитъ, по мнѣнію изобрѣтателя, полную безопасность въ гигієническомъ отношеніи. Тѣ возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы противъ нового поцѣлуя, отмѣчаются больше психологическимъ характеромъ и, во всякомъ случаѣ, съ гигіеной не имѣютъ ничего общаго.

